

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е.К. Ромодановская

«Римские Деяния» (Gesta Romanorum) на Руси. Вопросы текстологии и русификации*

Сборник повестей Римские Деяния (далее – РД), сформировавшийся в Западной Европе не позднее XIII в. и появившийся в Польше в XVI в. (известно польское издание 1566 г.), был переведен с польского языка на русский в последней четверти XVII в. (см. [Словарь, с. 304-307]. Существуют две возможные даты перевода, указанные в рукописях – 1681 г. (РНБ, собр. Погодина № 1604) или 1691 г. (ГИМ, собр. Уварова № 555). Разночтения в датах и в текстах позволяют поставить вопрос о существовании по крайней мере двух переводов, причем второй сохранился, по-видимому, в единственном Уваровском списке. О нем писал еще А.Н. Пыпин, полагавший, что к 1691 г. относится только «переделка старого перевода» [Пыпин, 1857, с. 180-198]. С.Л. Пташицкий, исследовавший большое число рукописей РД, но не знавший Уваровского списка, считал, что все русские списки восходят к одному переводу и составляют одну редакцию [Пташицкий, 1897]. Вопрос о существовании второго перевода вновь поставила Л.В. Соколова на основании того же Уваровского списка [Соколова, 1981, с. 266-273]. Вопрос о количестве переводов РД нельзя считать окончательно решенным: Уваровский список представляет всего восемь текстов из 39 польского оригинала и до сих пор не найдено аналогий ему в рукописной традиции сборника.

Если вопрос о источниках и времени перевода сборника представляется пока неразрешимым, то проследить собственно русскую историю РД в ее развитии, взаимодействии с различными близкими текстами и последовательной русификацией вполне доступно. Сделать это возможно путем детального текстологического исследования всех сохранившихся русских списков и польских изданий. Такое исследование поможет в будущем разрешить и проблему количества переводов, их локализации и исполнителей, а также, возможно, непосредственных источников русского текста.

Между тем сборник РД, упоминающийся во всех обобщающих трудах о древнерусской литературе, в учебниках и справочниках, до сих пор не подвергался собственно текстологическому исследованию современного уровня. Причина этого прежде всего в большом объеме кодекса (до 40 текстов!) в сочетании с большим количеством списков – в настоящее время известно около 50 списков сборника и большое количество повестей из него, встречающихся вне кодекса. Текстологическое исследование проводилось лишь по отдельным входящим в РД произведениям, бытовавшим и в самостоятельном виде. Это – Житие Алексея человека Божия [Адрианова, 1917], Повесть об Аполлонии Тирском [Соколова, 1982], отчасти – Повесть о папе Григории [Словарь, с. 157-161].

Текстологии сборника в целом посвящены немногие работы. Основной труд по этой теме, на который опираются все последующие исследователи, принадле-

* Настоящая работа представляет собой текст доклада, предложенного на XIII Международный съезд славистов (Любляна, 2003 г.).

жит С.Л. Пташицкому и был опубликован еще в 1897 г. [Пташицкий, 1897]. Изучая состав 17 кодексов¹, его автор обращал внимание прежде всего на изменения лексики и в соответствии с этим разделил списки на группы. Первая характеризовалась обилием полонизмов; во второй отмечались глоссы, поясняющие полонизмы, название повестей «притча», а не «приклад», и т.п.; третья – наиболее русифицированная. Движение текста, по Пташицкому, шло от польских калек к русской терминологии. Большое внимание С.Л. Пташицкий уделил и вопросу о соответствии / несоответствии русского приклада, входящего в РД, польскому, латинскому и чешскому источникам.

Исследование С.Л. Пташицкого было продолжено Э. Малэк [Malek, 1988, с. 117-148], которая привлекла к изучению около 30 списков РД и несколько десятков отдельных повестей в сборниках пестрого состава и подтвердила выделение трех групп русских кодексов, добавив к указанным С.Л. Пташицким ряд вновь обнаруженных рукописей. Эти группы отличаются составом и порядком расположения текстов внутри кодекса, что, по мнению исследовательницы, дает основания для определения архетипа не дошедшего до нас польского издания 1663 г., упомянутого в русских текстах в качестве источника перевода.

По предложенной Э. Малэк классификации первая группа включает 10 полных кодексов (по 39 прикладов), начинающихся Прикладом о гордом цесаре Иовениане и оканчивающихся Житием папы Григория. Они датируются периодом от к. XVII в. до 1720-х годов.

Вторая группа отличается отсутствием житий папы Григория и Алексея человека Божия, соответственно включает не 39, а 37 прикладов; приметой группы можно считать то, что начинается она с рассказа о пустыннике и ангеле, а завершается рассказом о скупом ковале; датируются наиболее ранние ее списки также концом XVII в.

Третья группа начинает складываться также в 1670-х годах, но в ней меняется общее заглавие и порядок прикладов, правится язык, добавляется один приклад (как правило, начальный) – о хранящем нищетную ризу. Тех же принципов выделения групп в дальнейшем придерживается и Л.В. Соколова [Федорова, 2001], которая совершенно справедливо считает, что выделяемую ее предшественниками 3-ю группу надо рассматривать как особую (2-ю) редакцию РД, появившуюся на русской почве.

Выделением групп текстов исследование на данном этапе и ограничивается. Однако причины различий в составе кодексов до сих пор никак не объяснены, не показаны взаимоотношения между группами, пути движения текстов. Эта проблема как будто бы может разрешиться при рассмотрении языковой эволюции, отражающей, как считал еще С.Л. Пташицкий, постепенную русификацию памятника. Однако сам он ограничивался лишь отдельными примерами, приводившимися из разных рукописей. В свою очередь и Э. Малэк дает лишь самую общую, без ссылок на источники, характеристику языка перевода: «с течением времени часть полонизмов заменялась родной лексикой, сначала в форме глосс или дублетов соответствующих выражений и оборотов» [Malek, 1988, с. 121] (например: ‘побил челом подяковал’, ‘потом скоро рыхло’, ‘одеяние истерял стратил’ и т.п.). Между тем именно на лексическом анализе в первую очередь можно наблюдать пути и приемы русификации переводного текста.

Назрела потребность провести традиционное текстологическое исследование РД, с одной стороны – пословно сверяя тексты между собой и устанавливая редакции всех входящих в кодекс памятников, а с другой – соотнося выводы подобного исследования с существующими наблюдениями над кодексом в целом. Подобный подход давно выработался при текстологическом исследовании лето-

¹ Под кодексом понимается рукопись, содержащая от 5-6 до 38-40 прикладов.

писей, когда параллельно изучаются летописные своды и отдельные памятники, входящие в них.

В качестве первого опыта подобного рода, вырабатывая методику изучения повествовательного комплекса, я провела анализ 43 списков Приклада о невдячности (неблагодарности) человеческой, где использован международный сюжет «Благодарные звери» (см. подробнее: [Ромодановская]): дровосек спасает провалившегося в ров «урядника» (дворецкого) и трех зверей – льва, обезьяну и змея; в дальнейшем урядник отказывается дать бедняку обещанную награду и приказывает прогнать его с побоями; в отличие от него, звери, каждый по-своему, награждают своего спасителя: обезьяна ломает для него сучья и орехи, так что он обходится без топора, лев пригоняет десять «ничейных» ослов с богатой поклажей, а змей дарит волшебный камык, который после продажи всегда возвращается к герою, если за него не дана достойная цена. В конце концов разбогатевший дровосек делается известным королю, которому рассказывает свою историю, и разгневанный король велит наказать своего урядника (выслать или казнить), а его должность и все имущество, к радости «сенаторов», передать дровосеку.

Выбор этого сюжета определялся, во-первых, тем, что Приклад о невдячности «нейтрален» по своему характеру: это нравоучительная повесть, не имеющая агиографических канонов, как Житие Алексея человека Божия или Приклад о Евстафии Плакиде, и не использующаяся в политической или общественной борьбе, как Приклад о цесаре Иовениане, связанный с группой повестей о гордом царе (см. о них: [Ромодановская, 1985]). Во-вторых, приклад о невдячности достаточно популярен и читается как в составе кодексов, так и в сборниках пестрого состава, в то время как большинство других повестей из РД распространения вне кодексов не получили¹.

Результаты анализа оказались несколько неожиданными. Из 43 рассмотренных текстов только 26 представляют собой текст из РД, остальные 17 – это сходное повествование, встречающееся как заключительная часть (приложение?) в ряде списков «Описания вин и причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят...», где имеет особый заголовок – «Притча умильна», а также отдельно.

В описаниях рукописей обычно говорится о том, что сочинение о причинах гибели царств сопровождается повестью из РД. Как давно этот текст принимается за элемент *Gesta Romanorum*, можно судить по тому, что А.Н. Пыпин в своем «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских», публикуя отдельные приклады из РД, спутал два этих памятника и вместо Приклада о невдячности опубликовал Притчу умильну по списку РНБ, собр. Погодина № 1964 [Пыпин, 1857, с. 339-343]. Однако уже первое сопоставление двух этих памятников показало, что перед нами два разных произведения на один и тот же сюжет.

Главная примета, по которой сразу можно определить, Приклад это или Притча, – это порядок, в каком следуют дары зверей. В прикладе первым появляется лев, который «пужал ко Гвидону» «десять ослов, обтяженных бремены», благодаря чему дровосек Гвидон «обрел много богатства, с которых велми обогател». На другой день он все-таки снова отправляется в лес по дрова, «забывши в дому секиру и не имел, чем бы дров нарубить», и его выручает обезьяна (малпа). На третий день в том же лесу Гвидон встречает змия (ужа), который приносит ему

¹ Наибольшее распространение вне кодексов получили сюжеты РД, поддержанные более древней литературной традицией. Еще А.Н. Пыпин указывал три из них: «Благодарные звери», «Юноша Папирий», Повесть о пустынноике и ангеле [Пыпин, 1857]. К ним следует добавить «Папу Григория» и «Цесаря Иовениана» (Жития Алексея человека Божия и Евстафия Плакиды распространялись, как правило, в редакциях, существовавших до перевода РД).

драгоценный камень. Порядок благодарности зверей в Притче логичнее и расположен по возрастающей, как вообще принято в сказках: пифик с дровами – змий с камнем – лев с тюками драгоценностей на ослах. В РД – явное нарушение логики, потому что после воза с богатством дровосеку незачем идти в лес по дрова. Это нарушение присутствует и в польском тексте [HR], откуда, по-видимому, перешло и в русский перевод.

Таким образом, сходство Притчи и Приклада ограничивается исконной ситуацией и перечнем зверей, что полностью определяется сюжетом «благодарные животные» [СУС, с. 79-80 (№ 160)]. Судя по имени героя (Гвидон в Прикладе, Гвида в Притче), у них мог быть общий (переводной?) источник, но на русской почве два этих родственных памятника никак не взаимодействуют. Текстологический анализ всех доступных списков Притчи и Приклада показывает, что развитие их текста идет параллельными путями: я не знаю ни одного случая влияний друг на друга этих памятников.

Притча умильна встречается не только в составе Описания вин и причин, но и в многочисленных сборниках. В этом ее отличие от Приклада, который вне кодекса практически не известен. Среди 26 исследованных рукописей единственное исключение составляет текст Сокращенной редакции, читающийся в сборнике РНБ, собр. СПбДА, № 304. Благодаря этому текстологическое исследование отдельного приклада в первую очередь позволяет более детально поставить вопрос о взаимоотношениях списков всего кодекса РД.

Пословное сопоставление списков Приклада показало, что тексты как первой, так и второй (по Пташицкому – Малэк) групп в подавляющем большинстве (19 из 26) составляют Основную редакцию памятника. Ее списки четко делятся на 2 группы. В 14 из них, отличающихся близостью к польскому источнику и, соответственно, обилием полонизмов, текст достаточно стабилен и разночтения характеризуются прежде всего несущественными пропусками и перестановками отдельных слов. Важной приметой этой группы является общий гаплографический пропуск в эпизоде благодарности обезьяны: «...она [малпа] зубами орехи лускала. *Малпа же виде Гвидоново и наламала ему дров.* Тогда Гвидон, кроме трудов наклади дров на осла...» (РНБ, Q.XV.162, л. 37 об.).

Эта ошибка исправляется по остальным четырем спискам Основной редакции, два из которых (РНБ, собр. Вяземского, Q.142 [по нему было осуществлено издание: РД] и РНБ, собр. Погодина, № 1713) еще С.Л. Пташицкий относил ко 2-й группе РД, приметой которой, помимо состава, являются глоссы, поясняющие полонизмы, название повестей «притча», а не «приклад» и т.п. К ним примыкают списки БАН, собр. Никольского, № 8 и ИРЛИ, оп. 23, № 80.

Четыре выделенных текста не могут претендовать на определение их как редакции: разночтения касаются лишь замены или объяснения полонизмов. Их можно было бы обозначить как русифицированную группу в составе Основной редакции, причем замена полонизмов проходит неравномерно; нередко прямо в строке читается как полонизм, так и его синоним: *недалеко от чертогов от палацу; долы чинены ямы копаны; истерял погубил* и т.п. Другие полонизмы последовательно заменены в тексте русскими терминами ('повроз' – 'вервь, веревка', 'малпа' – 'обезьяна', 'панство' – 'королевство, государство', 'приказанью божию' – 'заповедей божиих')¹.

Списки выделяемой группы, как уже говорилось, включались С.Л. Пташицким и Э. Малэк во 2-ю группу первого перевода РД, однако состав

¹ К русифицированной группе примыкает список РНБ, F.XVII.21, где имеется тот же гаплографический пропуск, но проведена последовательная (иная, чем в четырех других списках) русификация текста; именно здесь «приклады» последовательно называются «притчами». С.Л. Пташицкий относил этот список ко 2-й группе.

этой группы представлялся им более широким. К ней относят также списки ГИМ, собр. Уварова, № 66, РНБ, собр. Титова, № 4226, РНБ, Q.XV.47. Последний особо выделяется Э. Малэк вслед за С.Л. Пташицким; она пишет: «наиболее архаичным, а следовательно наиболее близким архетипу русского перевода ... является список ГПБ, Пог. № 1775 из 1-й группы и список ГПБ, Q.XV.47 из второй группы [ссылка на Пташицкого]. На их основе можно приблизительно определить характер не дошедшего перевода» [Malek, 1988, с. 120].

Между тем пословное сравнение Приклада о невдячности не дает оснований для включения перечисленных трех списков в русифицированную группу. Все они обладают теми же чертами, что и большинство текстов так называемой первой группы, в том числе и отмеченным уже гаплографическим пропуском. Повидимому, вопрос о составе двух групп первого перевода должен будет в будущем пересматриваться на более серьезных основаниях, чем состав сборников (порядок прикладов) и случайные примеры¹. Пока данные исследования одного приклада показывают, что русифицированная группа и группа с пропуском происходят от близкого источника и независимы друг от друга. Необходимо согласиться с Л.В. Соколовой, которая считает, что «первая группа списков... не является старшей по отношению ко второй..., как считали С.Л. Пташицкий и Э. Малэк» [Федорова, 2001, с. 231]. Это мнение подтверждается и датировками списков: ранние рукописи как той, так и другой группы не выходят за пределы 1680-х годов. Приоритета хотя бы хронологического ни одна группа не имеет.

Вопрос о соотношении двух групп первого перевода представляется наиболее существенным в истории текста РД на Руси, и разрешить его, как было показано, возможно только методом традиционной пословной текстологии.

Основная редакция послужила фундаментом для нескольких обработок Приклада и РД в целом на русской почве. Это в первую очередь 2-я редакция РД (так называемая 3-я группа), описанная Л.В. Соколовой (см. выше). Мне известно 2 ее списка, включающие Приклад о невдячности. Это редакция фацеций – сопоставление текстов показывает, что включение прикладов из РД в сборники фацеций и соответственное изменение их жанровой структуры произошло именно на русской почве. Мне известно три сборника, помещающие Приклад о невдячности в окружение фацеций.

Наконец, пословное сравнение текстов показало, что среди традиционных по составу кодексов имеются два, характеризующихся особой стилистической окраской и представляющих не описанные ранее русские обработки первого перевода РД. От группы с пропуском ведет свое происхождение текст Приклада в списке РГБ, Великоустюжское собр., № 59, XVIII в., который можно назвать Великоустюжским вариантом. От русифицированной группы – текст в списке РГБ, собр. Оптиной пустыни, № 266, XIX в. (Оптинский вариант). Оба они отличаются стилистической правкой в соответствии со своим временем. Эта правка прослеживается и в других текстах кодекса, так что можно говорить о редакциях не приклада, а всего сборника.

Наблюдения над текстами Приклада позволили заметить, что судьба их во многом зависит от того, читаются они в контексте кодекса (как РД), большого памятника (как «Описание вин и причин»), или являются самостоятельным памятником в составе сборников пестрого состава. От окружения, от конвоя памятника зависит его понимание читателем, а нередко и главная идея. Так, в Прикладе из РД главной оказывается тема гордости, наказания гордеца (даже падение урядника в яму связано с принципом «не рой другому яму – сам в нее попадешь»); в

¹ К сожалению, не опубликована полностью работа Л.В. Соколовой, в которой она, судя по изложению доклада, дает собственную характеристику групп первого перевода (по ее терминологии, Тихонравовской и Уваровской).

Притче умильной на первое место выходит тема благодарности – недаром в некоторых списках Притча продолжена специальным поучением о грехе неблагодарности; в фацециях иначе распределяются роли героев – не дворецкий, а один Гвидон определяет сюжет повести, нравоучительные концовки отсутствуют, вместо них появляется обязательный для фацей «Виршик» в 6 стихотворных строчек о необходимости платить за добро.

Таким образом, детальный текстологический анализ отдельного приклада из состава РД позволяет делать выводы не только о редакциях отдельной повести, но и о взаимоотношении кодексов в целом, а также о механизме русификации. Думается, что С.Л. Пташицкий совершенно верно наметил пути постепенной эволюции РД, хотя и мог ошибиться с классификацией списков. Особенно важным представляется наблюдение о том, что редакции Приклада появляются только вместе с редакциями самого кодекса, к которому примыкают и редакции фацей, а развитие произведений со сходными сюжетами протекает параллельно, без непосредственных взаимоотношений.

Появившись на Руси, РД обогатили русскую литературу большим количеством новых сюжетов, а в ряде случаев обновили и оживили давно известные. Представляется, что при дальнейшем изучении этого многопланового комплекса повестей нужно будет привлекать к исследованию списки не только собственно РД или выписанных из них прикладов, но и сочинения на сходные сюжеты, известные по Прологу, патерикам, Великим Минеям Четиим. Но это – задача будущего и не одного исследования.

Литература

Адрианова В.П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

Пташицкий С.Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Истории из «Римских Деяний» (*Gesta Romanorum*). СПб., 1897.

Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

РД – Римские Деяния (*Gesta Romanorum*). Вып. I-II. СПб., 1878.

Ромодановская Е.К. Повести о годе царя в рукописной традиции XVII-XIX веков. Новосибирск, 1985.

Ромодановская Е.К. Опыт текстологического исследования «Приклада о невидячности человечестей» из Римских Деяний (международный сюжет «Благодарные звери») // Археография и источниковедение Сибири, вып. 21. Новосибирск (в печати).

Словарь – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998.

Соколова Л.В. К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские деяния» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 266-273.

Соколова Л.В. Литературная история Повести об Аполлонии Тирском. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка. Л., 1979.

Федорова И.В. XXIV Малышевский чтения. // Русская литература. 2001. № 2. С. 231-232 (изложение доклада Л.В. Соколовой).

HR – *Hystorye Rzymskie (Gesta Romanorum)* / Wydal Dr. G. Bystron. Krakow, 1894.

Malek E. *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wiku*. Lodz, 1988.